

WARHAMMER

40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

ARCHITECT OF FATE

EDITED BY
CHRISTIAN DUNN

FEATURING SARAH CAWKWELL, BEN COUNTER,
DARIUS HINKS AND JOHN FRENCH

САНКТУС

Дариус Хинкс

Меня предали, - думает сержант Хальсер.

- Предали.

- Комус упал! - ревет по боксу брат Вольтер. - Возможно, терпь... Я не уверен. Они захватили

лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант? - Его голос прерывается, слова наполовину

глушит звук канонады. - Ты там? Сержант Хальсер?

Хальсер прижимает оружие к голове пророка и не отвечает. Из теней на него кричат

пилигримы, но взгляд прикован к паре абсурдных, бездонных глаз.

Пророк смотрит в ответ.

Хальсер кладет палец на спусковой крючок.

- Я могу спасти нас обоих, - говорит пророк. Его голова наклоняется внутри шарообразного

шлема, надетого на бледную, тонкую шею

и заполненного густой жидкостью.

Раствор

искажает голос, но он пытается изменить свои гласные звуки во что-то человеческое,

тщательно выговаривая каждое слово, словно обращаясь к ребенку. Пророк тычет длинным, перепончатым пальцем в человека в дверном проеме. — Они лгали тебе. Они убили нас обоих.

Они точно знали, что случится. Они всегда знали.

Хальсер следит за его взглядом и к своему ужасу видит, что Гидеон Пилкрафт смеется. Под

черным капюшоном не видно рта, только вибрирующую массу кабелей, но веселье очевидно.

Решимость Хальсера испаряется. Его рука колеблется. Если Пилкрафт знал о происходящем, значит, вся операция была ложью. Хальсер пытается собраться с мыслями. Он пытается

молиться, но стоны брата Вольтера

впились в него, слившись с воплями
пилигримов.

Канонада становится все громче, и вот
уже кажется будто вся долина гудит. Звук
невыносим и

слишком громок для обычных тяжелых
орудий. Вокруг загремели взрывы,
Хальсеру

пришлось стираться с правдой.

Орбитальная бомбардировка уже
началась.

Без защиты Котуса его разум быстро
сдается. Искажение времени достигло
своего пика, и

голоса пилигримов скребут по мыслям,
как клинки по металлу. Он не может
быть уверен что

«сейчас» и что «тогда». Он одновременно
ведет отдаление через катакомбы,
вырезает

пилигримов у городских воротов и
подходит к внутреннему храму, но он
знает, что это уже

случилось. Он пристальнее вглядывается в

уродливые глаза пророка, пытаясь укрепить себя.

- Комус упал! - ревет по воксу брат Вольтер. - Возможно, терпь... Я не уверен. Они захватили лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант?

Хальсер ругается и оглядывается на дверь. Время разрушается. Он слышал эти слова и раньше, но сколько раз?

- Я не позволю тебе жить, - произносит он, повернувшись к пророку. Металлический отзвук усиленного голоса гремит в зале. - Ты - терзость.

Пророка склонил раздумью голову и ухмыльнулся. - У тебя есть корабль, а у меня -

предвидение. Облака - не преграда для меня. - Он указывает на Пилкрафта. - Он причинил нам обоим зло. Почему ты должны принимать свою судьбу? Ты - немногие

избранные. У нас

впереди великий труд. Великие деяния.

Хальсер качает головой, но в его глазах
пылает сомнение. Пристрелить пророка
означает

умереть. Хуже того, это означает
провал. Но какова альтернатива? Как
можно сохранить
такому человеку жизнь после всего, что он
видел?

Пророк касается удлиненными пальцами
силового доспеха Хальсера. Он проводит
ими вокруг

филигранного черепа и прищуривается.
Зачем ты прибыл в Магнепору,
Реликтор?

Комната наклоняется и пол стесщается.
Вражеский огонь приближается. Со
свободчатого

потолка падают куски векового трамора.
Десятиметровые орлы трескаются и
раскальваются, покрывая пол огромными
сломанными крыльями.

- Узрите непреложную волю Императора!

вонят Пилкрафт со стороны гверей,
перекрикивая
акофонию. - Ты надменный глупец,
держант Хальсер. Это все твоя вина. Это
цена,
которую ты платишь за свое низкое,
раболепствующее заблуждение и
неоднократное
использование ксено...

Хальсер замыкает его выстрелом в
голову. Звук разносится по комнате, и
Пилкрафт падает в
фонтане крови. Кабели в его капюшоне
еще несколько секунд дергаются, после чего
он
затихает.

Хальсер поворачивается и снова
прижимает болт-пистолет к шлему
пророка. - Ты - тутанк.
- А кто ты, Реликтор? - Стеклянный
шлем пророка забрызган кровью
Пилкрафта, но голос

остается дерзким. Он указывает в
сторону сети коридоров, которые ведут из

его тронного

зала. - Здесь есть оружие. Оружие, которым ты можешь воспользоваться. - Его голос

становится тягче. - Они лгали тебе, Реликтор. Всем вам. Твоя верность неуместна, разве ты

не видишь?

Хальсер торщится, когда агонизирующий хор становится громче: отчаянные запросы брата

Вольтера о приказах, напевы пилигримов, гул земли, грохот орудий. Но хуже шутка сомнение.

Как мог Мортейн обмануть его? Пока вопрос изводит Хальсера, сомнение превращается в

ярость. Даже его самый старый друг не верит в него, не верит в его Орден. Он и его люди

были отправлены на смерть. Возможна стойкость рискнуть и прислушаться к пророку? - Я

докажу, что ты ошибаешься, Мортейн,

ругается он. — Я заставлю тебя заплатить.

В то время как его гнев распят, дежавю становится невыносимым. Слова пророка кружат по комнате, становясь громче с каждым повтором. Неуверенность Хальсера распят, и в его голове вспыхивает свет, сливаясь с кристаллами в стенах и глифами, вращающимися перед его взором. В тот момент, когда сержант покидает орбиту и летит вниз, в бурю, он видит корону солнечного света вокруг Иллусса, мерцающую как золотая нить.

Глава 1

- Иллусс JV. Мир-святыня. - произнес Пилографт благоговейным тоном верующего. - До захвата врагом это было одно из самых святых мест в галактике. Перед темными днями Ереси Сам Император ступал по его освященной

земле.

Когда они спускаются с небес, изгибы планеты исчезают, скрытый бурлящей массой грозовых

фронтов и торнадо. Штормовой корабль начинает трястись, но сержанта Хальсера отвлекла

необычность бури: слои золотистых испарений поднимаются из бездонных провалов в пелене, покрывающей всю планету. Она выглядит как призрак.

- А облака? - спросил он.

Нилкрафт понизил свой голос. - Знак дьявольских грехов, которые приговорили Иллесс,

символ его абсолютного разложения. Это колдовство, о котором говорил инквизитор Мортмейн. Буря неестественна, сержант Хальсер. Это самое нечестивое проявление Хаоса.

Облака появились после прибытия Черного Легиона, триста лет назад, и источают ересь. Они

разумны. Злобны. Трансформическое

подобие природы. Дешевые чары, созданные, чтобы скрыть лик врага. И их протяженности расстем.

Хальсер выглядит взвешенным гигантом с бычьей шеей. Его плоские черты покраснели и трясутся, а губы изогнулись в презрительной усмешке. Взгляд, который он обращает на брата-библиария Комуса, заставил бы задрожать обычного человека.

Неустрашимый Комус нахмурился в ответ, его глаза наполняла та же злая ярость.

- Что ты чувствуешь? - прорычал Хальсер.

Комус пожимает широкими плечами и смотрит на какую-то вещь в ладони правой руки. -

Кондовство, да, либеллус убежден в этом, но в облаках...? - Он еще больше хмурится, повернувшись к Пилкрафту. - Я уверен, что слуга инквизитора Мортмейна прав.

Штурмовой корабль снова кренится, когда
его корпус окружила золотая буря.
Сервиторы

носятся вперед-назад, пытаясь
утихомирить сигналы тревоги и
тигающие огни.

Хальсер ударил по пульту связи, словно
представив, что это чье-то лицо. —
«Громовой

ястреб-Пять», это «Громовой ястреб-
Четыре». Брат Сильвий, сообщи о своей
позиции.

Раздался взрыв помех, за которым
последовал отрывистый, нечеловеческий
голос. — ...Пять...

Навигационные
Неустановленная высота... Сильная
болтанка... — Снова новый

взрыв помех, потом: — Сержант, я не
уверен, что ты можешь сохранить нашу...

Связь прервалась, оставив после себя
тонкий звук обратной связи. Хальсер
отключает

устройство и несколько секунд смотрит

на него. Затем он поворачивается к
Пилкрафту.

Түрбүлентность швырнула того в кресло
и с тонзуры упал капюшон, обнажив
тасляный пучок

кабелей на месте лица. Каждый
закрученный кабель заканчивался
блестящей, с медным
ободом линзой, и когда он поворачивается
к Хальсеру, они фокусируются на нем
серий
стремочущих щелчиков.

- Инквизитор Мортнейн предупредил,
что высадка будет сложной, - говорит
аколит

инквизитора, - но поскольку ваши люди в
точности следуют его совету, они скоро
будут на

поверхности. Планета пронизана
туннелями. Их вырыли тысячи лет назад
тонахи, до того как

предались порочной власти Нагубных Сил.
Норча в воздухе, несомненно, не беспокоит
еретиков, но для нас она может означать

смерть или даже хуже тогоже

трансмутацию. Мы

должны провести как можно меньше времени на открытом воздухе.

- Мортейн упоминал о священниках. Он сказал, что они были связаны с первым вторжением.

Пилкрафт кивает. - Они были сбиты с толку Губительными Силами, а затем вырезаны Черным

Легионом. - Его голос немного дрожит. - И к вечному стыду Эклиезиархии все это они

навлекли на себя. За Иллсс была ответственна группа настоятелей. Кто еще тогда

присматривал за планетой, по которой когда-то ступал Император? Но их обман навлек

позор на священное братство. Жрецы, оставленные во главе печально известного Скрипторий

Зевксиса, были зачарованы некоторыми артефактами, некими магическими

заклинаниями,

хранимыми со времен Великого Крестового похода. — Нилкрафт натянул капюшон и втянул

оптические кабели. Он выглядит как юлита, прячущаяся в свою раковину. —

Старая как

Империум история. Начиналось, как невинное исследование, а закончилось отвратительным

идолопоклонством. Обреченные священники собрали самых ужасных и мерзких преступников

в своих храмах. Они передали их душам Черноты Легиону в качестве дара. Видимо найденное в

скриптории оказалось непосильной ношей для простой веры монахов. Они стали творцами

своей несчастной судьбы.

Кому сжимает кулаки и борточек поднос. — И вот ты здесь, следя по их стопам.

Судороги на лице Хальсера становились заметнее, пока он старался не повышать

голоса. -

Нас прислал Мортлейн. С чего бы ему так поступать, если он считал, что ты не подходит для этого задания?

Пилкрафт поднял тонкую трость из слоновой кости и указал ею в сторону далекого флота. -

Хотел бы напомнить вам, сержант Хальсер, что твой господин никак не посыпал. Он

просто обратил внимание на трагедию утраты такого древнего теста Внеминием

Экстерминатусе.

- Он не только это сказал.

Аколит инквизитора пожимает плечами.

- Он не отдавал вам приказ, сержант Хальсер. Он

узнал о ваших эзотерических интересах и по промыслу нашего Досточтимого Императора дал

вам шанс выяснить, возможность изучить скриптории, прежде чем они будут

уничтожены. Вы

здесь по собственному желанию.

Губы Хальсера еще больше кривятся в ужасающей улыбке. — Не беспокойся. Я давно научился

не ждать никаких официальных одобрений.

Штурмовой корабль закладывает крутой вираж, и трость Пилкрафта выскакивает из руки, ударяется о доспехи Комуса и отскакивает в угол. Пока корабль пикирует сквозь облака, на несколько секунд становится темно. В темноте Хальсер видит пучок глаз Пилкрафта,

внимательно наблюдающих за ним изнутри капюшона. Он вспоминает нечто странное, что

говорил Комус о нем и наклоняется вперед, чтобы задать вопрос. Затем звук турбулентности

становится оглушительным, и он отклоняется назад.

Вопрос забыт.

- Нам нужно найти убежище! - воним Пилкрафт. Он съеживается за тогучим телом Хальсера и

при помощи трости, вбитой в пыль, пытается удержаться на ногах.

Комус и остальные воины рассыпаются вокруг сбитого корабля, застыв неподвижно с

наведенными в сторону бури болтерами. Их доспехи цвета олова сочетаются с изящным из

поврежденного корпуса корабля дылом. Если бы не белые черепа на наплечниках, они были

бы почти невидимы.

Завороженный видом Хальсера игнорирует Пилкрафта. Даже его улучшенное зрение не может

проникнуть сквозь облака, но когда они проносятся вокруг него, он тельком видит странный

ландшафт Иллесса: падающие скалы, вырванные из земли силами, которые он может только

вообразить, и которые сотворили запутанную сеть башен из красноватого камня, почти

неразличимых среди бури. Скалы были так искажены, что стали походить на огромный

коралловый риф, извлеченный из-под земли. Когда облака проносятся между колоннами, они

воют. Хальсеру это напоминает попытку заговорить. Он даже на секунду задерживает

дыхание, пытаясь уловить смысл в звуке; после чего смеется над своей несерьезностью.

Вспомнив боль в ноге, он посмотрел вниз на рваное отверстие в доспехе. Клетки Ларрамана

уже сделали свою работу — рана покрылась коркой за несколько секунд, но останется еще один

бездобразный шрам. Хальсер борзочет, полившь благодарности. Каждая рваная линия служит

исключительно напоминанием о его гордой ноше. Более слабый человек не пережил бы такую катастрофическую посадку.

Он наклоняется и вытирает кровь с поврежденной брони, затем поворачивается к остальным.

Реликторы по-прежнему осматривают горизонт на наличие признаков нападения.

У

некоторых такие же ранения, но все стоят прямо и наготове. Он чувствует прилив гордости.

Даже после всей лжи и клеветы они не сломались: такие же непоколебимые как он, и

готовые доказать свою значимость, пускай только себе.

- Как добраться до скрипториев? -
крикнул он, игнорируя стоящую рядом фигуру в капюшоне.

Пилкрафт вздрагивает от слов серранта. После крушения его сильно трясет. Мантия

разорвана до пят, и когда склонит
стоприм на библиария, его голова
дергается от страха.

Кому^с киваем в ответ и отстегиваем от
силового госпеха книгу. Небольшую, в
кожаном

переплёте на золотых застёжках и
украшенную символами, слишком
причудливыми, чтобы

быть творением человека. Ее можно было
принять за безопасную таинственную
вещь, но

Хальсер знает правду. Знает, о чём
просит своего старого друга.

Кому^с размыкает за jakiны и
переворачивает обложку, нахмурив брови.
Внутри нет страниц, только стальной
ящик на петлях с циферблатами, рунами
и стеклянным экраном. Библиарий

вставляет кабель в гнездо сбоку
устройства, закрывает глаза и
вздрагивает от боли. Затем он
начинает произносить слова, которые
теряются в звуке ветра.

Когда Нилкрафт смотрит на толящегося
Комуса, его испуганное выражение
превращается в

ухмылку отвращения. - Как вы можете
позволять ему пользоваться таким
талистаном? -

спрашиваем он, посмотрев на сержанта.

Хальсер не отвечает, но знает, что
вопрос справедлив.

- Согласно либеллусу, Скрипторий
Зевксиса находился в пяти километрах к
северу от этого

места, - голос Комуса напряжен от боли. -
Если я правильно понял ксенотекст, буря
забросила

нас не слишком далеко от цели.

- В пяти километрах отсюда? - закричал
Нилкрафт, снова выглядя испуганным. -
Значит, ты

должны поморочиться. Мы уже провели
слишком много времени над землей. Я
говорил вам -

единственный безопасный путь пересечь
этую планету - под землей. Мы, прежде

всего, должны
найти туннель.

Хальсер кивнул. — Как только определим
местонахождение корабля брата Сильвия.

Пилкрафт разворачивается, словно от
удара. Он кричит еще громче. — Ваши
боевые братья

могут быть разбросаны по всему
материку. Они все могут быть терптыми.

Вы не слышали от
них ни слова. — Он бросает свою трость на
пыльную землю. — Нам немедленно нужно
найти
укрытие.

Гнев все время присутствует в глазах
сержанта Хальсера, но на мгновение,
кажется, что он
вот-вот сорвется. Его огромная челюсть
сжата, а голос наполнен неверием. — Ты
приказываешь мне?

На терпенно-бледном лице Пилкрафта
проявляется немного румянца. — Конечно
нет, но вы
пытались связаться со своими людьми и

не получили ответа. - Он опускает глаза.

- Может

быть, вы решили, что они погибли. Зачем им игнорировать ваш вызов?

Хальсер бьет по безжизненному ауспику на поясе. - С тех пор, как эта буря выплюнула нас, у

нас нет сигнала. - Он снова смотрит на неистовые облака. - Совсем. Мы одни.

Сержант

поднимает шлем и надевает его. Когда он снова говорит, голос превращается в нечеловеческий рык. - Но я не брошу своих людей.

Пилкрафт жалобно сжимается и прижимает трость к груди. - Конечно, не бросите, сержант

Хальсер. Но пойтите, если ты сейчас не скроется под землей, то можем наткнуться на врага.

Хальсер изучает его через безликий визор шлема. Затем он поднимает болт-пистолет и бьет

им по покореженному серому керамиту

нагрудника. – По правде говоря, Пилкрафт, я на это надеюсь.

Глава 2

Утомленный инквизитор Мортейн неподвижно сидит в кафедральном соборе, опустив

голову и наслаждаясь уединением. Даже здесь – глубоко внутри запутанной сети монастырей и

башен – нельзя полностью избавиться от шумов корабля: грохота двигателей, скрежета

орудийных батарей и гула энергетических контуров. Но это место ближе всего к небесам на

борту «Домитуса». Огромные lancetные окна охраняют его, заливая собор цветным светом и

придавая лицу инквизитора бледно-зеленый оттенок. Мортейн никогда не считался

красавцем. Его черты угловаты и суровы, как у статуй, тянущихся вдоль нефа, но в

грубом, крючковатом носу таится
жестокость; под низкими, тяжелыми
бровями - целеустремленность, которая
выделяет его в переполненной комнате,
даже без символа должности, висящего на
шее.

Рассматривая окна, Мортейн осознает,
что ему сложно смотреть в глаза
повелителя.

Несмотря на перенесенные кораблем
кошмары, взгляд Императора не поблек.

Витражное

стекло было изготовлено на Терре,
бесчисленные столетия назад, но таинство
замысла мастера

не потускнел: великолепный Император
смотрит сверху с подсвеченного стекла,
но-прежнему

убеждая в Его цели, по-прежнему пытая
непоколебимой верой.

Инквизитор торщится и направляет свои
тысли за стекло, за собор, даже за пределы

«Домитуса». Он представляет флот
Санктус, следя за ним через космос. Сила

Императора, отклоненная от своей цели,
переориентировалась по его команде.
Мортмейн чуть сильнее
кутается в толстый кожаный плащ,
ощущив внезапный холод. Плечи
опускаются, когда он
думает над бременем выбора. В левой
руке он сжимает украшенный
пергаментный свиток,
скрепленный серебряными пряжками и
восковыми печатями чистоты. На нем
печати
губернаторов, ротных командиров,
капитанов и епископов: каждого, кто мог
бы оспорить его
решение. Они называли его Конкордат
Зевксиса, в честь знаменитого скриптория
Иллса, но у
Мортмейна нет иллюзий: это смертный
приговор. Судьба целой планеты в его
руках. Может
быть больше. Он делает глубокий вздох. В
сравнении с такими важными делами,
какое

значение имеет дружба? Не слишком ли он рискует?

Учтивый кашель прерывает мысли. Он поднимает глаза и видит священника в капюшоне, наблюдающего за ним из дальнего конца нефа.

- Новатор здесь? - Мортейн не говорил несколько часов и его голос похож на нерешительное карканье, но акустика собора усиливает слова, отразившиеся от свободчатых потолков и лепных колонн.

Далекая фигура кивает. - Мне провестишего, инквизитор Мортейн?

Мортейн откашливается и встает, откинув назад плащ длиной до пят. Когда луч света падает

на его гравированный нагрудник, вспыхивает серебро. Вокруг центрального знака: буквы І, перекреценней трёмя полосками и увенчанной одним кроваво-красным камнем, видны замысловатые узоры.

За пояс Мортлейна засунут черный, зазубренный кривой нож, и когда инквизитор встает, то сжимает рукоятку правой рукой. Прикосновение черного с выемками эбонита к коже успокаивает его.

Он кивает, и сомнение в голосе исчезает.
- Приведите его ко мне.

Священник кланяется и скользит обратно в тени.

Через несколько минут приближается человек. Он наклоняется к самому полу и пятится

серийей странных, пошатывающихся скачков. Мортлейн понял, что он тоет пол, неистово

вытирая катни, чтобы сберечь обувь господина.

Должно быть это ван Тол, - думает Мортлейн, когда появляется другой человек. Второй

мужчина идет прямо, уверенным шагом и с расправленными плечами. Он облачен в

безупречную, накрахмаленную военную форму. Каждый сантиметр его высокого, грациозного

тела украшен, а на боку висит инкрустированная сабля с позолоченной рукоятью. Когда

мужчина видит Мортейна, его вощенные щеки вздрагивают от легкой усмешки. — Инквизитор,

— протягивает он. — Я прервал ваши молитвы? Вы должны простить меня. — Его лицо — полная

противоположность лица Мортейна: маленькая, срезанная челюсть, мягкая, безкорицневая

кожа и тонкие, почти тилые черты.

Мортейн холодно кланяется и отходит от алтаря, наполнив собор лязгом своих подкованных

железом ботинок о плиты. — Совсем нет, барон. Я предвкушал нашу новую встречу. — Когда

инквизитор подходит к своему гостю, то замечает других людей, ожидающих в

полутраке: барон привел свою стражу. Это не дружеский визит, думает он, чутко сильнее сжимая нож.

Барон ван Тол протягивает слабую руку белой перчатке. Непонятно, ждет ли он пожатия или поцелуя.

Мортмейн крепко пожимает ее.
Надеюсь, вам подошли покой?

Барон продолжает устремляться. - Да, подошли. - Слова сливаются друг с другом, словно он

евда мог найти силы отделить гласные от согласных. Он необыкновенно высок и изучает

инквизитора Мортмейна поверх длинного, орлиного носа; его глаза были

полуоткрыты и

полны презрения, как у греющейся на солнце ящерицы, лениво ожидающей, чтобы поесть. -

Ни одного инакомыслиящего, - сказал он.

Озадаченный Мортмейн хмурится.

Барон кивает на свиток в руке

Мортмейна. - Договор. - В его голосе
безошибочно слышится
нотка насмешки. - Ваше слово - закон,
инквизитор Мортмейн. Ваши сомнения -
безосновательны. Немногие, даже здесь,
оспорили бы волю Имперской Инквизиции.
Мортмейн пожимает плечами, игнорируя
настеничивый тон барона. - Я не требую
доверия.
Все ты всего лишь проводники воли
Императора. И кроме того ваши
доказательства были
убедительны. На что ты можешь
надеяться, оставляя за спиной необузданное
разложение?

- Именно.

Двое мужчин несколько секунд стоят
толчая, по-прежнему сжатая руки друг
друга. Наконец, Мортмейн разжимает
хватку и указывает на одну из скамеек.

- Скажите мне, - говорит инквизитор, как
только они сели, - что привело вас на
«Домитус»?

Договор подписан. Я думал, вы захотите

вернутся домой. Полагаю, что находится
так

близко к Оку Ужаса очень неприятно, с
вашими-то талантами. - При слове
«таланты» он

бросает короткий взгляд на лоб барона.
Барон ван Тол носит низко надвинутую
фуражку, и в

этом не было ничего необычного; не
считая слегка полупрозрачной кожи, он
выглядит как

обычный человек.

Барон пожимает плечами. - Конечно же, я
вернусь на Терру как можно скорее, но я... -
Он

запинается, словно сомневаясь в
способности инквизитора понять. - Я
полностью доверяю

вашим способностям, инквизитор
Мортнейн. Позвольте мне объяснить. Я не
испытываю

ничего кроме уважения к людям, которые
поднялись из... - на его лице застыает
неприязненный взгляд, - низших слоев

общества. Я уверен, что вы весьма компетентный

человек. -- Кажется, он избегает взгляда Мортейна. -- Но мне не будет покоя, пока эта

ситуация не разрешится.

Мортейн поднимает брови и откидывается на спинку скамьи. -- Илиss будет уничтожен, барон ван Тол.

- Конечно будет, инквизитор Мортейн, я не сомневаюсь в этом. Ни капли. -- Барон смеется -

резко, безрадостный. Взгляд по-прежнему устремлен на пол. -- Но увидеть это воочию стало

бы утешением для сердца старика.

Мортейн собрался ответить, но тут из полутрака вышел один из спутников барона. Он был

копией барона, с такими же женскими чертами лица и вялой осанкой. Единственным

различием были чуть тенее седые усы и

меньшее количество медалей на униформе.

- Почему ничего не происходит? - спрашиваем молодой дворянин, его лицо переполняют

эмоции. - Каждую минуту зараза распространяется. Пока ты...

- Молчи, мой дорогой Нальх! - Голос барона мягок, но полон злобы. - Как ты стесишь

вмешиваться? Назад.

Глаза молодого человека вспыхивают гневом, но он подчиняется приказу и отступает в темноту.

Барон поворачивается к Мортлейну, явно стущенный. - Вы должны простить ужасные

манеры моего сына. Вы все очень озабочены ситуацией. - Он ерзает на скамье. - Тем не

менее, он в своей грубой манере задал вопрос, который крутится в твоей голове: когда именно

начнется бомбардировка? Ваши корабли

на позициях или нет?

Портмейн несколько секунд толчал расследование барона, стараясь сохранить нейтральное

выражение. - Илисс будет уничтожен. - Он тщательно подбирает слова. - Знамы Дома ван Тол

сыграла важную роль в освещении этой ситуации, но сейчас дело находится в руках

Инквизиции.

Барон на мгновенье встречается с взглядом с инквизитором, его глаза по-прежнему

настениво полуприкрыты. - Конечно. Я просто пришел, чтобы предложить свою помощь.

Вы должны понять... - Барон прерывается, когда замечает, как внимательно рассматривает его

Портмейн. Ухмылка окончательно исчезает, также неожиданно, как гаснет свет. - От обороны

Илисса окончательно отказались?

Мортмейн уставился на барона Тола, непривыкший к тому, чтобы его действия подвергались сомнению.

- Я просто заинтересовался, - продолжает барон, - вчера штурмовыми кораблями, отправленными несколько часов назад.

Мортмейн продолжает пристально смотреть.

Барон ждет ответа, который так и не последовал. В конечном итоге он поднимается, чувствуя себя неуютно под пристальным взглядом Мортмейна. - Мне кажется, я вас рассердил,

инквизитор Мортмейн, а это не входило в мои намерения. - Он отступает с легким поклоном.

Устрица возвращается. - Я буду в своих покоях, если вам что-нибудь понадобится.

Мортмейн прищуривается, но ничего не говорит, наблюдая, как барон неторопливо идет

вдоль нефа и шепчет со своим лакеем,

пока они не исчезли среди длинных теней.

Как

только их шаги стихли, инквизитор поднимает голову к благосклонному взгляду Императора.

- Они что-то скрывают, - тихо говорит он, продолжая смотреть на стекло.

Из темноты отвечает голос - гортанный, искаженный, словно звучащий через пачку влажных

тряпок. Отвечает на непостижимом и отталкивающем языке.

Мортмейн согласно кивает и кривит губы. - Экстерминатус может еще немного подождать. Я

не предам смерти миллионы, не зная каждого важного факта.

Ему отвечает еще один поток булькающих гласных.

Мортмейн массирует бритую голову и отодвигается назад в толчаливой задумчивости. -

Юноша, - говорит он, наконец, - сын барона. Помнится, Новатор назвал его Пальх. Он

несомненно импульсивен. Уверен, ты
стожем использовать это в свою пользу.

Все-таки

«Домитус» - большой корабль. Думаю, он
легко может заблудиться.

Раздается рокочущий стек,
сопровождаемый звуком цепей, царапающих
о камень.

Голос Портлейна полон отвращения. --
Будь покладист, Цербал. Скоро на твоей
совести будет

стерть планеты. Не отягощай тою ношу.

Глава 3

Даже сквозь завывающий ветер звук
богатого огня не спутать ни с чем.

Брат Тимьян

разворачивается на 180 градусов с
почерневшей дырой в нагруднике.

- Вниз, - рявкает сержант Хальсер по
воксу, и Реликторы исчезают с поля
зрения.

Пилкрафт жалобно стонет, съежившись
между сержантом и братом-библиарием
Комулом. --

Мы должны быть стойкими, - хнычет он,
сильно дрожа. -- Власти
идолопоклонников...

Комус зажимает ему рот и бесцеремонно
толкает на землю.

Их укрытие - узкий овраг, не более
четырех метров шириной.

- Следующий гребень, - бормочет Комус.

Хальсер кивает и оглядывается на
клубящиеся пылевые облака. Брат Тимьян
лежит на боку и

бьется в конвульсиях. Кровь и
гидроцидость брызжет из пробитой
нагрудной брони, и,

кажется, он не может встать. Реликтор
упал наверху оврага и абсолютно
беззащитен, но о его

спасении не стоит и думать. Сышаешь
тяжелое дыхание невыносимо. Тимьян не
выживет.

Сержант в такой ярости, что несколько
секунд не может говорить. Как он мог
быть настолько

глуп, чтобы завести своих людей в засаду?

Брат Тимьян служил вместе с ним в
бесчисленных

боях. Его щеки побагровели от гнева, и он
со злостью произносит толитву. — На все
воля

Императора. — Слова дают утешение. Он
качет головой и вскидывает руку,
собираясь отдать
приказ.

Сержант не успел заговорить. О камни
лязгнули два предмета.

Костодесантники реагируют немедленно,
узнав осколочные гранаты, прежде чем те
остановились, но без толку: гранаты
взведены на взрыв от удара.

Овраг наполняется звуком и светом.

Хальсер тяжело приземляется на спину за
узким краем скалы, в ушах звенят от
взрыва. Он

пытается разглядеть остальных, но
огромные клубы пыли стесались с бурей.

Сквозь дым

бегут крупные серые тени, но он не может
рассмотреть кто погиб. Хальсер

повторяет толитву, звучащую менее уверенно. — На все воля Императора.

Край скалы взрывается от попавшей в него очереди болтерных снарядов. Сержант перекатывается и падает в другой овраг, тельком увидев дыльную вспышку над отдаленным

скалистым гребнем. Он запоминает позицию.

Он отнесло в сторону, и Хальсер видит брата-билиария Комуса, припавшего к земле в

нескольких метрах от него. Он выглядел целым, но сжимает украшенную тантию, обвившую

горжет, стороживший от боли. Кабели, соединяющие металлический капюшон с его черепом

пульсирют внутренним огнем.

Хальсер встречается с ним взглядом, кивает в сторону врага и показывает жестом бросок, затем стучит болт-истолетом и ташет им вдоль оврага.

Комус кивает в ответ, но грифаса

остается на его лице, и когда он снимает гранаты с пояса, обхватывает голову другой рукой, неистово массажирует виски.

Когда граната Комуса находит свою цель, раздается еще один оглушительный взрыв.

В том же момент сержант Хальсер выскакивает из дальнего конца оврага, бросившись к краю

скалы. Когда он бежит через дым, фигура в черном госпехе поднимается и отлетает от него, отброшенная взрывом гранаты.

Хальсер открывает огонь на бегу, выпустив несколько снарядов в шатающуюся фигуру, и выхватывает цепной теч. Когда он перепрыгивает через край скалы, клинок уже жужжит и разбрызгивает масло.

Враг попытается открыть ответный огонь, но не успевает навести пистолет на Хальсера

прежде, чем цепной клинок сержанта отсекает его руку. Брызжут искры, кровь

и осколки
кости.

Когда противник отпрянул, зажимая
многочисленные раны, Хальсер
присматривается к нему.

Десантник-предатель облачен в древний,
черный доспех, скрученный в причудливой
тешанине изгибов и шипов, и отделанный
золотыми, бритвенно-острыми лезвиями.

Ротовая

решетка шлема растянута в зверином
оскале, а нагрудник украшен гнойно-
желтым глазом

Сержант ревет. Невозможно сказать, были
ли это рев гнева или восторга. Он
поднимает цепной

теч для нового удара.

Десантник-предатель слишком быстр. Он
парирует цепной теч Хальсера своим
клиником, и

воздух наполняется искрами и скрежетом
зубьев.

Хальсер поднимает болт-пистолет, но
боль обожгла бок прежде, чем он смог

выстрелить.

Сержанта подбросило, развернуло и швырнуло о землю. Тогда, он замечает второго

десантника, появившегося из бури и поднявшего болтера для следующего выстрела.

Хальсер перекатывается, и земля вокруг него взрывается.

Затем раздается визг разрезаемого металла, и стрельба прекращается.

Он поднимается с земли и видит, что второй предатель бросил болтер и держится за грудь, завывая от боли. Из нагрудника вышло лезвие течка и поднимается к горлу. Меч терцает неестественным светом, разрезая врага надвое. Он выбрасывает последний, слепящий

импульс, выйдя из тела в фонтане крови и искр.

Брат-библиарий Комус переступает через безжизненную жертву, рухнувшую на землю. Меч

Все еще сверкает психической энергией, когда Реликтор поворачивается к другому предателю, но, не успев нанести удар, он от боли обхватывает свою голову и шатается. Кончик тече

бесполезно лягает о камни.

Оставшийся десантник-предатель обращает свое оружие на библиария, но прежде, чем он

нажимает на спуск, левая сторона шлема испаряется, оставив тлеющую массу из разорванной

брони и обуглившегося мозга.

Он валится на землю со свистящим выльянем.

Сержант Хальсер переступает через него и делает второй выстрел в ротовую решетку. Затем

еще. Продолжает стрелять, пока от головы предателя не остается ничего, кроме кровавого

пятна на камне. Затем он приседает и поворачивается, изучая символ своего оружия. По долине

разносится треск болтерного огня, но звук
искажается и приглушается облаками,
делая

бессмысленной попытку засечь что-нибудь.

- Отделение "Гроловержец", - рычит он в
вокс-бусину, - сообщите свой статус.

По каналу связи трещат голоса. Бой был
коротким. Погиб только брат Тимьян.

Хальсер качает головой, заподозрив
неладное в легкой победе. - Удерживайте
позиции.

Обычно враг не атакует таким малым
количеством. - Он поворачивается и
видит, что Комус

упал на колени и все еще сжимает голову.

Он бросается к библиарию. - Ты ранен?

Комус поднимает голову, его лицо
посерело, глаза лихорадочно блестят.

Это из-за

устройства я схожу с ума? Разве ты не
слышишь?

Хальсер в замешательстве качает
головой. - Слышу что?

- Облака, - стонет Комус, его голос

наполнился ужасом. — Они обращаются к нам.

Глава 4

При виде идущего навигатора монахи и сервиторы разбегаются по теням как крысы. Перед

ним плывет сервочереп, волоча источающие дым кадила и неся длину канавками свечу.

Бегущий по рядам темных ниш свет обнаруживает съежившихся обитателей «Домитуса». Они

подозрительно смотрят на стройного дворянина и бормочут толитвы под капюшонами. Даже

самые последние терзанцы корабля вздыхают с облегчением, когда Налых ван Тол тинует их.

В конце длиного, сводчатого коридора стоит его отец и вглядывается в освинцованные

сторовое окно. Сложно увидеть что-нибудь через стекла тетровой толщины, замутненные

неплом и паутиной, но когда Нальх подошел, то смог разглядеть струнное, призрачное присутствие Иллеса.

- Это Реликторы, - тихо говорит навигатор.

- Кто? - спрашиваем барон, повернувшись к нему.

- Отправленные на планету Адептус Астартес. Я разговаривал с несколькими стибидорами.

Они поклялись молчать лично Мортмейну. - Нальх торчится. Вытянуть правду было непросто.

- Ach ja, я знаю кто внизу. - Полуприкрытые глаза барона ван Тола сосредоточились на сыне. -

Не ты один здесь обладаешь зрением. - Он стучит костяшками по стеклу. - Что ты видишь сейчас?

Нальх смотрит на призрачную планету и качает головой.

- Ничего. То есть ничего за пределами
варпштормов. Я никогда не видел такой
тощи.

Барон устремляется.

- Это грязная, грубая форма колдовства,
но, несомненно, могучая. - Он оглядывается
- в тенях

только склоняют фигуры в капюшонах - и
наклоняется поближе к сыну, понизив голос.

- Если

Портмейн не начнет действовать, порча
скоро распространится. - Барон извлекает
предмет из

церемониальной куртки и поднимает на
свет свечи. Это крошечные песочные часы,
встроенные в корпус из замысловато
гравированных костей пальцев.

При виде их Пальх торщится. Песок
скопился в центре, не падает ни в одну из
половинок. Он

хватает отца за руку, тянет часы
поближе и встряхивает их, без всякого
эффекта.

- Что это значит.

- Время бежит, Пальх, - барон пожимает плечами. - Буря расширяется. - Еще большие

понижает голос. - Конкордат выиграл нам только небольшую отсрочку. Если Илисс не будем

уничтожен в ближайшее время, другие Дома почуяют неладное. Они гораздо проницательней

этих плебеев, и поэтому не поверят во вздор о Черном Легионе и поймут, что на самом деле

являются шторма. Мы будем уничтожены.

- Тогда что нам делать? - в голосе Пальха сквозит паника. - Инквизитор явно лжет нам. Зачем

ему посыпать костодесантников на планету, приговоренную к Экстерминатусу?

Барон качает головой и кладет песочные часы обратно в карман.

- Реликторы - известные падальщики, терзкие коллекционеры, всегда ищущие

под катняти

то, что там оставлено. Каждый знает, что они всего в шаге от ереси, но инквизитор Мортлейн

должно быть по какой-то причине дал им последний шанс изучить планету. До того... - Он

делает паузу и раздраженно кривит губы.

- До того, как возникли проблемы, Иллесс был

знаменит своими скрипториями. Говорят, что в одном из них хранятся документы и реликвии, которые старше самого Империума.

- Скрипторий Зевксиса.

Барон кивает.

- Скрипторий Зевксиса в особенности печально известен. У старших священников были

похожие с Реликтарами интересы, которые наиболее авторитетные люди сочли бы

еретическими. Скрипторий был утрачен на многие века, но Реликторы обладают

мастерством

раскрывать тайны. - Он выпрямляет плечи и задирает подбородок. - Я должен подумать.

Встретится в тоих покоях через час. - Когда новатор направляется легким шагом в коридор, со стропил выплывает второй сервочереп и следит за ним, освещая путь. - Ничего не делай, - говорит барон, устремившись Пальху, исчезает за углом.

Пальх барабанит пальцами по стопровому окну. О чём думает Мортмейн? Зачем он задерживается даже на секунду, когда столь многое под угрозой? Почему игнорирует конкордат? Кто-то должен знать. Навигатор стоит на месте несколько минут, бормоча под нос, пока его не осеняет. Кажется, мысли пришла полностью сформировавшейся, словно сам корабль ответил на его вопрос.

- Ну конечно, - тихо говорит он. - На борту есть другие Реликторы. Они должны знать что происходит.

Налых шагает к пустой нише. Это своеего рода святилище, но он не придает значения сутулой, крылатой статуе, притаившейся в темноте, когда садится на каменную скамью и закрывает глаза. Навигатор прикладывает пальцы под козырек фуражки, к выступу посреди лба. Затем

шепчет про себя заклинание и через несколько минут дыхание начинает учащаться, а на лице появляются капельки пота. От лба расходится парализующая боль, и он тихо стонет. В

разуме проносятся образы. Налых видит таинства: огромные, почерневшие чудовища, грохочущие и извергающие энергию глубоко в недрах «Домитуса». Затем километры серых жилищных блоков, обеспечивающих

жильем легионы матросов и жрецов, целые полки

гвардейцев. Многие гвардейцы ранены, и Пальх ощущает их тяжесть и страх, когда прикасается

разумом. Он направляется дальше. Затаив дыхание, осматривает полетные палубы, часовни, монастыри и ангары, пока не чувствует что-то абсолютно отличное от гвардейцев: обрывок холодного, сурового высокотерия.

- Да, - шепчет навигатор. Разумы Агентус Астартес ни с чем не спутать. Он убирает пальцы со лба, натягивает фуражку на место и наконец, выдыхает. - Всего в нескольких километрах.

Кажется немного странным, что он нашел свои цели с такой легкостью, но Пальх так

обеспокоен, что и не задумывается над такой вероятностью. Навигатор поднимается и осматривает коридор. Свет барона исчез

и из виду.

- Прости отец, - говорит он, и голос дрожит от эмоций, - Я не стану простосидеть, когда

наше имя выбрасывают на свалку. Затем поворачивается и спешит в противоположном направлении, быстро исчезая в бесконечном лабиринте коридоров.

Через несколько секунд большая крылатая тень спускается со стены храма. Она выходит в коридор. Очертания трудно различить, но когда существо тихо скользит за Пальхом, один из

наблюдателей в капюшоне оказывается достаточно невезучим, чтобы бросить на него беглый

взгляд. Человек с проклятьями отшатывается к стене, запечатлев образ разорванной плоти и

потрепанного железа. Он падает на колени, прижав ладони к глазам, и слышит далекий звон

цепей.

Через полчаса Нальх замечает, что коридоры становятся более узкими и неухоженными. Нем

признаков сервиторов, а по углам лежат неубранные кучи отходов. Воздух все более насыщается запахом ташинного масла и экскрементов, и навигатор прикрывает нос

шелковым, надушенным носовым платком. Разве эти помещения пригодны для Агентус

Астартес? - думает он. Затем вспоминает, какой Орден разыскивает Реликторов. Утрома или благосклонности почти забавна. Открытый коллектор - идеальное место обитания людей, на которых висят так много обвинений в ереси.

В конце концов, потолок становится таким низким, что сервочереп не может больше сопровождать его, и Нальх ругается,

остановившись в темноте.

- Что это за место? - тихо спрашивается он, вытащив небольшой фонарик из кармана куртки.

Когда тонкий луч освещает стены впереди, навигатор видит, что коридор больше не каменный

- он состоит из нагромождения ржавого железа, вентиляционных отверстий и шипящих труб.

- Наверное, это не том, - бормочет человек, наклонившись и медленно продвигаясь вперед.

Затем Палых слышит за спиной звук и поворачивается, наводя фонарик на тени. Тьма

колыхнулась и отошла, но он не смог отчетливо что-либо разглядеть. Его охватывает страх.

Палых вытягивает теч и задумывается над тем, чтобы вернуться, но едва мысль сформировалась в его голове, как дверь отрывается от креплений и падает на каменный пол.

Из-за вызванного лязга навигатор так сильно вздрагивает, что роняет фонарик, и том,

отскочив в темноту, гаснет.

Опускается кротешная тьма, Пальх ругается.

- Есть тут кто? - зовет он, и слова причудливо отражаются в узком коридоре.

Ответа нет.

Пальх опускается на колени и тянется в темноту. Он уверен, что заметил, где упал фонарик, но

когда пальцы шарят по холодному камню, то не находят и следа металлического цилиндра.

- Где он? - шипит с растущей паникой.

Когда пальцы навигатора тянутся дальше, то нащупывают что-то мягкое и теплое.

Он вздрагивает от ужаса, отшатнувшись к стене.

Пальха сковывает ужас, он поднимается и пятится так быстро, как может.

Темнота такая

полная, что вынуждает его идти вдоль
холодного, липкого темала стены.

Навигатор тихо

ругается, когда его пальцы касаются
острых краев и торчащих винтов.

Несмотря на боль, Пальх понемногу
увеличивает скорость. Но тут же того, как
глаза начинают

привыкать к темноте, уверенность
возвращается. Он понимает, что впереди
открытая дверь и

переходит на бег, держа перед собой меч.

Возле дверного проема Пальх замечает
впереди движение: сутулую, блестящую
фигуру,

слишком быструю, чтобы ее отчетливо
разглядеть.

За секунду до того, как он достиг двери,
она закрывается.

Пальх с хрипом врезается в нее. Меч
болезненно выворачивается в руке.

Когда он скользит на пол, держа руки
перед лицом, то чувствует что-то в
темноте.

Фигура приближается.

Глава 5

Пока остальное отделение «Громовержец» неловко понимается на скалы, сержант Хальсер

останавливается и ждет брата-бизиария Комуса. Наблюдая за приближением старого друга, он испытывает болезненную смесь гнева и вины. Комус идет, спотыкаясь, по причудливой

местности, силовой доспех покрыт пылью. На лице застыла гримаса, но он по-прежнему

крепко сжимает либеллус.

- У меня не было выбора, - одёргивает себя Хальсер. - Это наш последний шанс.

Сержант вытирает визор и изучает горизонт в поисках врага. Солнце опустилось ниже,

окрасив облака в бронзовый цвет, из-за чего их трудно различить. Хальсер снимает с пояса

ауспик, но прибор по-прежнему ничего не

показывает. С момента крушения они ничего не

слышали от брата Сильвия. И что более тревожно, не могли связаться с флотом Сантус и

«Домитусом». Они абсолютно одни. Когда взгляд Хальсера снова падает на наклонившуюся

фигуру Комуса, в голову приходит та же самая мысль. Это наш последний шанс.

Комус был всего в нескольких метрах, когда Хальсер замечает что-то странное. Библиарий

входит в узкое дефиле и на краткий миг исчезает из виду, потом снова появляется и тащет

сержанту течом. Хальсер кивает в ответ, но затем хмурится. Между двумя костодесантниками

проходит пелена пыли, и Комус исчезает. Хальсер собирается его вызвать, но Комус снова

появляется, в частности повторяя свои движения. Он даже делает тот же самый

взмах рукои, словно ничего не произошло.
Хальсер ощущает тревожную дрожь. Что-то не так, но он не

может сказать что. Возможно, Комус вернулся в дефиле, но в сделанном им знаке было нечто

странные. Второй взмах был идентичен первому. Хальсер трясет головой и поднимается,

чтобы поприветствовать библиария. Дежавю, думает он, но чувство тревоги остается, когда он

помогает Комусу подняться на скалы.

- Ты в порядке? - спрашивает сержант, скрывая тревогу хмурым видом. Он понимает, что из

глаз библиария текут кровавые слезы.

Комус кивает, но не может ответить из-за сильной отдышики.

- Это из-за присутствия предателей? - спрашивает Хальсер. - Оно причиняет тебе такую боль?

Комус хмурится и качает головой.

- Нет, - выдавил он через несколько

тины. Когда библиарий говорит, на его губах блестят

меленькие капли крови. Комус кивает на либеллус. - Это из-за ксеноустроистства и чего-то еще.

Здесь есть еще что-то.

- Но, это работа еретиков, верно? Хальсер указывает в сторону каменных колонн и клубящихся облаков.

Комус следит за его взглядом и смотрит на жуткий закат.

- Чем-то еще, - повторяет он.

Хальсер осознает, что никогда не видел такой боли у боевого брата.

- Может быть, ты вернешься к штурмовому кораблю, Комус? У нас нет времени на пассажиров. Наверное, ты сможешь помочь техносвященникам? Кажется, они считают, что

ремонт займет время, но пара лишних рук ускорит процесс. - Он замялся. - Возможно, ты

стог бы показать мне, как пользоваться
ксеноустроиством.

Котус сжимает руку сержанта.

- Нет. Я должен продолжать. Я защищаю
вас от чего-то. - Реликтор указывает в
сторону

облаков. - Вот почему... - Он прерывается
и снова торщится. - Боль не только от
либеллыса.

Но и потому что я сдерживаю молитвы.

- Молитвы? - Хальсер в замешательстве
качет головой. - Чьи молитвы?

- В ветре слышатся молитвы. И они
наполнены такой силой, что освежают
тебя до костей, если я им позволю.

- Силой? Ты имеешь в виду колдовство?

Котус закрывает глаза и прижимает руки
к одной из дюжин печатей чистоты,
которые

украшают его силовой госпех. Пальцы
сильно давят на кусок воска и потянутый
пергамент, и

когда библиарий открывает глаза, они
становятся немного яснее.

- Нет, не колдовство. По крайней мере, не то, что ты подразумеваешь. Я слышу катехизмы и

имена святых. Я слышу молитвы, которые говорят о покорности Бессмертному Императору. -

Он массирует голову. - Но в них сила, которую я никогда не... - Колос запинается, глаза

наполнены замешательством. Потом он поворачивается к Хальсеру. - Я не верю, что Иллсс

захватил Черный Легион. Какая-то огромная сила властвует здесь, но она не любит Хаос.

- Конечно же, планета во власти Хаоса, Хальсер яростно трясет головой. Инквизитор

Мортлейн был уверен. До Экстерминатуса считанные часы. Сержант смотрит на остальное отделение, следя за их продвижением по изувеченному ландшафту. Крошечный по сравнению

с ними архитектор инквизитора тяжело опирается на свою трость и бредет за костодесантниками.

- Нилкрафт сказал, что облака - знак Хаоса. Он сказал, что они прибыли с Черным Легионом.

Комус пристально смотрит на сержанта.

- Я бы не стал слишком верить словам этого человека. Я чувствую, он что-то скрывает от нас.

Хальсер скидывает руку библиария и кивает на горизонт.

- Что ж, ты узнаешь правду очень скоро, если продолжим идти. У нас есть только шесть часов.

Помог инквизитор Мортейн начнем бомбардировку, есть здесь Хаос или нет.

Костодесантники прошли совсем немного, когда снова началась стрельба.

Отделение бесшумно исчезает в буре.

Сержант Хальсер опускается за скалой.

- Брат Вортимер, - шепчет он в восхищении. - В кого-нибудь попали? Что ты видишь?

В отвem взрыв белого шума.

- Брат Вортимер?

Раздается еще одно шипение помех, но в этот раз сквозь искажения слышны слова.

- Болтерный огонь. Широкий разброс. Они укрылись в каком-то здании. В полукилометре к востоку. Это может быть башня, но я не уверен...

Сигнал прерывается.

Хальсер чувствует, как учащается пульс. Он не потеряет еще одного человека.

Сержант

открывает канал связи со всем отделением.

- Вортимер, Борелль и Сабин в обход, зайдите с тыла. Остальные оставайтесь на позициях.

Ждите моего сигнала.

Поворачивается к Комусу.

- Это та сила, которую ты чувствуешь?

Библиарий качает головой.

- Это - предатели. - Он хмурится. - Им

ужасно больно.

Хальсер смотрит на ауспик и ругает
черный экран. Затем, когда тимс
проносится особенно

плотное пылевое облако, он рискует
выглянуть за камень. Брат Вортимер
прав: к востоку есть

какое-то здание. Когда облака уносятся,
сержант видит совершенно отчетливо
скалистую

спираль, на вершине которой похожие на
зубы выступы, напоминающие зубцы
замковой

стены. Она выглядит частью более
крупного строения, но прежде чем сержант
успевает

рассмотреть что-то еще, он замечает
движение позади забытенных камней.
Укрываясь,

Реликтор тельком видит вспышку света.
Сквозь бурю пронесся свистящий вор, и в
нескольких метрах слева от Хальсера
земля

взрывается в облаке пыли и вращающихся

камней. Камни стучат по его броне, и
сержант
ругается.

- Лазпушка. - Он оглядывается на Комуса.
- Болт не тешает им стрелять.
- Но с ними что-то совсем не так,
Библиарий качает головой. - Почему, по-
твоему, они так
плохо прицелились?

Хальсер кивает на узкую траншею в
нескольких метрах позади и когда они
тяжело падают в
нее, включает связь.

- Вортимер, Борелль, Сабин - вы на
позиции? Что вы видите?

Хальсеру отвечает стрельба: целый залп
грехочущих выстрелов с башни.

- Вперед! - кричит он, выпрыгнув из
траншеи и бросившись в направлении
звуков стрельбы.

Глава 6

Нальх приходит в себя среди темноты и
звуков звенящих цепей.

Он попытался пошевелиться, но в желудке
вспыхивает страшная, выкручивающая
боль.

- Кто здесь? - с трудом произносит
навигатор, пытаясь встать. К своему
ужасу он понимает, что привязан
широкими, кожаными ремнями к какому-
то металлическому стулу. Его
охватывает ужас.

- Ты не понимаешь, что делаешь! -
кричит Пальх, вставляясь в
движущиеся тени. - Я
принадлежу к Дому ван Толов.

Звук скрежета по металлу продолжается,
но ответа нет.

Голос Пальха почти дошёл до крика.

- Я - Навис Нобилите! Ты не можешь
обращаться со мной так! - Он напрягся,
чтобы
освободиться и снова почувствовал
ужасную боль в желудке. Чем-то пронзило
тело, и куртка
пропитана кровью. - Что ты сделал со
мной?

Наконец ему отвечают: откуда-то из-за спины раздается влажное бульканье. В словах нет

никакого стыска, но в то же время Пальх понимает что-то. Едва терзкие звуки наполняют

тёмноту, навигатор чувствует, как в его голове формируются слова. Он понимает к своему

изумлению, что маленький, твердый глаз во лбу переделывает эту тарабарщину в понятный

ему язык. Словно сам варп разговаривает с ним. Каждый слог добавляет боли, словно пронзая

тозг иглами.

- На самом деле, это ты сделал с собой. -- Слова появляются скорее как мысли, чем звуки, и

мысли полные ненависти. Чувство злобы столь велико, что навигатор невольно заплакал.

- Сделал что? -- в конце концов, выговаривает он.

- Ты упал на свой теч, Нальх.

Навигатор смотрит на свой живот. Слишком темно, чтобы ясно что-нибудь видеть, но он смог почти разглядеть проблеск искривленной стали, застрявшей в животе.

- Тогда мне нужна помощь! - кричит навигатор. - Ты не можешь оставить меня в таком состоянии. - Его страх начинает стесняться с гневом. - Кто ты?

Бормочущий ответ непонятен, но, как и прежде, слова появляются в голове Нальха.

- У меня больше имен, чем мне хочется помнить. Думаю, некоторые из них могут иметь смысл для тебя, но ни одно не соответствует истине. Мой нынешний хозяин зовет меня Цербал. Этого будет достаточно для такого как ты.

Нальх отчаянно цепляется за эти обрывки информации.

- Твой хозяин? Кто твой хозяин? Дай мне

поговорить с ним. Как только он поймет
кто я, ты...

- О, инквизитор Мортейн очень хорошо
знает, кто ты, Пальх ван Тол. Всё ты
здесь по его
приказу.

Несмотря на боль, Пальх недоверчиво
стремится.

- Мортейн? Он бы не осмелился!
Темнота наполняется металлическим
скрежетом, и прямо перед Пальхом
появляется лицо.

Это самая ужасная вещь, которую когда-
либо видел навигатор. Лицо, вероятно,
когда-то

принадлежало стертому, животу
человеку, но теперь это была оболочка из
плоти, которая

содержала в себе извивающийся
невыразимый ужас. Бритый череп треснул
в нескольких

местах, обнажив вишневого цвета
извилины из кости и слабый мерцающий
свет. Глаза были

выжжены, оставив две черные впадины, в центре которых терзал холодный синий огонь. Вся

голова разодрана и деформирована. Кажется, лишь одно удерживает искалеченную массу

вместе: внутри и снаружи лица тянутся ржавые цепи, глубоко проникшие в кости и тускло

сверкающие, когда рот открывается широком, беззубом оскале.

- О, ты был бы удивлен, на что он остеливается.

Когда изуродованное тело говорит, Пальх видит причину булькающего, влажного тембра его

голоса. Глотка существа вырвана, а обнаженные голосовые связки свободно двигаются среди

блестящих мышц.

Пальх пытается отодвинуться от чудовища. То, что действительность поражает, так это голос в его голове. Слова столь неестественны и

злобны, что он чувствует, как разум
сдается от

напряжения. К нему наклоняется не
смертьное существо. Чем-то нечистое было
связано в

плоти человека. В его мыслях блуждает
слово «демон», но навигатор пытается
избавиться от

него, пока безумие не овладело им.

- Ты должен помочь мне, - тихо говорит
он.

- Конечно, помогу, - отвечает масса из
запекшейся крови и цепей. - Мортнейн
очень

заинтересован в твоей безопасности. Я не
могу оставить тебя в таком
затруднительном
состоянии.

Пальх закричал. Чудовище положило руки
на теч в его животе и дернуло вверх к
грудной

клетке.

- Конечно, - продолжает оно, когда
навигатор снова замолкает. - Я могу

выйти из теч

быстро или медленно. Я могу выйти из него осторожно или не очень.

- Что ты хочешь от меня? - стонет навигатор, когда свежая кровь скапливается на его коленях.

- Я хочу, чтобы ты говорил, Пальх, это все. Больше нет необходимости в недоразумениях.

Мне просто нужно знать, почему ты и твоя семья прибыли на «Домитус».

Пальх видит проблеск надежды, затем вздыхает, когда осознает реальность своего положения.

Удивительно, но навигатор чувствует, что страх немного уменьшился, когда он принял свою судьбу.

- Ты ни за что не оставил меня в живых. Не после того, как сказал мне, кто твой хозяин.

Раздается новый звон цепей, и перед лицом Пальха что-то появляется. Это

рука монстра.

Серые и изогнутые пальцы. Под полосками рванной, грубо пришитой кожи видны блестящие

куски костей. Нирпурные и разодраные ногти. Но Пальх обращает внимание не на истерзанную плоть, а на длинный, металлический шприц в руке.

- Ты абсолютно не прав, - объясняет голос в голове Пальха. - Если ты просто поговоришь со

тной, я могу стереть все воспоминания об этой встрече. Были ли, твой хозяин обладает

располагающей к себе привязанностью к тилосердцу. Он специально попросил, чтобы я

постарался помочь тебе. Тебя найдут в водостоке, возле жилищ рабов, раненного, но живого, а твой отец устроит выволочки за то, что ты почти погубил себя.

Монстр поднес иглу

поближе к лицу Пальха, чтобы тот мог увидеть жидкость, капающую с ее кончика.

- Все, что

нужно - это объяснить, почему вы не отправились на Террү. Какой у твоей семьи особенный
интерес к этой планете? Что связывает вас с Иллессом?

Сердце Пальха снова учащается, когда он понимает, что может все-таки выжить. Все, что нужно сделать - это рассказать чудовищу об истинной причине штурмов Иллесса.

Изуродованное лицо приближается, чувствуя, что навигатор собирается заговорить.

Тогда Пальх закрывает глаза и сильно кусает губы. К своему удивлению он осознает, что

кое-что значит для него больше, чем собственная драгоценная жизнь. Как можно довериться

этому существу? Если правда об Иллессе раскроется, это будет конец всему; конец Дома Ван

Толов. Их долгая, прославленная история

будет вычеркнута из имперских архивов,
выдающаяся родословная станет
бесполезной, ищущество будет
конфисковано и, что хуже

всего, они будут опозорены. Вся Терра
будет считать Пальха ван Тола сыном
предателя. Пальх
тучительно застонал.

- Я ничего тебе не скажу, - шепчет он, не в
состоянии поверить в то, что говорят.

Чудовище опирается на сломанный теч и
вызывает новый приступ агонии в животе
Пальха.

- Ты уверен? - Перед лицом Пальха
появляется длинный, ржавый кинжал. - Я
более чем рад

вытянуть из тебя информацию, а вот
людям обычно не нравятся твои методы.

Пальх слишком хорошо знает методы,
которыми, вероятно, воспользовался
инквизиторский
лакей, но с абсолютным ужасом
стесняется новое чувство: уверенность в
том, что нельзя

позволить этому страшному существу
узнать правду.

- Некоторые вещи стоят того, чтобы
умереть за них, - тихо говорит он.

Тварь смеется.

- О, ты не упрещь, Пальх, уверяю тебя. -
Клинок прижимается к дрожащему горлу
навигатора. - Я весьма искусен в своем
ремесле. У меня были тысячи летия для
совершенствования.

Когда Пальх отвечает, его голос
остается необычно спокойным.

- У моего отца были сомнения по поводу
прибытия на «Домитус». Он знал, что
произойдет

катастрофа, если один из нас
проговорится. Больше всего он боялся, что
Мортмейн может
узнать правду.

- Правду, Пальх? Что за правда?

Пальх задирает подбородок и раздувает
ноздри.

- Правда в том, что ты ничего не

получишь от меня. Твой отец предвидел
именно эту

возможность. Он заставил нас принять
меры предосторожности.

Звучащий в голове Пальха голос
возбужден, словно пытается сдержать
стех.

- Меры предосторожности? Что ты
имеешь в виду? Что за...

Предложение остается незаконченным,
когда Пальх изо всех сил бьет правой ногой
по

каменному полу. Каблук на его ботинке
разрушается, и взрывной заряд в нем
наполняет

помещение ослепительным светом.

Взрыв настолько силен, что звук
расходится на несколько километров и
доходит до

маленькой, грязной комнаты, где отец
Пальха испуганно поднимает голову.

Глава 7

Земля раскальвается, когда Хальсер
бежит к башне. Камни и осколки стучат

по шлему, пока

он лавириует между вражескими взрывами.
У основания здания он врезается всей
массой в

хрупкую гверь, и та зреющим
разлетается на куски, пропуская
споткнувшегося сержанта в
маленький внутренний двор. Стрельба
становится неистовее, но он превращает
свое падение в

перекат и с грохотом катится по
разлетающимся плитам. Реликтор со
скрежетом

останавливается за разрушенным
колодцем и поднимает болт-пистолет для
ответного огня.

Хальсер видит ряд десантников-
предателей, прислонившихся к парапету
на вершине странной

башни. Один из них держит скрученный,
серповидный кусок металла. Сначала

Хальсер не

опознает его, но когда луч
потрескивающего синего света вырывается

и из дула, он понимает, что это лазпушка.

Колодец разваливается и Хальсер отбрасывается назад через внутренний дворик. Удар убил бы спертного, но силовой щиток сержанта со свистом гидравлики смягчает взрыв, позволив ему свободно перекатиться. Когда второй предатель открывает огонь из настолько же нелепого болт-пистолета, Хальсер встает и невозмутимо стреляет в ответ. Тут же с нескольких направлений раздаются выстрелы, наполнив внутренний двор светом, звуком и дымом, из-за чего невозможно что-нибудь увидеть. Сквозь дым разносятся металлические голоса и топот ботинок.

Хальсер не уверен, что попал в кого-нибудь. Он пытается прицелиться в предателя с лазпушкой, но стеклящийся дым не дает

уверенности в том, что Реликтор видит.

Важды он

почти открывая огонь, а потом
опускает оружие, опасаясь попасть в кого-
то из своих людей.

Сержант видит вспышку искрающейся
металла слева от себя. Комус вонзает
психосиловой теч

в кого-то невидимого для Хальсера.

Раздается скрежет металла, когда
Библиарий вырывается

свой клинок, окрасив облака в красный
цвет. Он отшатывается и готовится
ударить снова. —

Они стреляют наугад! — кричит
Библиарий, указывая течом на стены.
Кто-то еще атакует их!

Кто-то еще? Хальсер пробегает сквозь
дым, чтобы получить лучший обзор.
Приблизившись к

стене, он видит десантников Хаоса,
выстроившихся у бойниц. Комус прав. Все
они застыли в

странных позах: неуклюже тянулись в

стороны или же корчились у стены. Один
стол

прицелился в Хальсера, но выстрел
проходит в метре от головы Реликтора,
так как предатель

изо всех сил пытается удержать оружие.

Хальсер бежит через кружящиеся облака,
приказав отделению наступать. Он
замечает

лестницу у подножья круглой башни и
когда взбегает по обваливающимся
ступеням, то видит

причину странных ноз десантников Хаоса.
В них вцепились клубы дыма и пыли,
закручиваясь

вокруг уродливых силовых доспехов в
тумные, движущиеся столбы.

Предатель с лазпушкой разворачивает ее,
чтобы встретить приближающегося
сержанта, но

при попытке прицелиться падает на
колени, придавленный бурей.

Хальсер поднимает болт-пистолет,
чтобы выстрелить и в шоке

останавливается. Нога его
противника теперь заключена в камень,
который постепенно сливается с облаками.
Клыбы
дыма, охватывая десантников Хаоса,
затвердевают и превращаются в камень.
— Трон, — шепчет Хальсер, застыв. Ему не
стоит дальше раздумывать над
невероятностью
происходящего. Парашют позади него
взрывается, когда очередной выстрел
проходит мимо.

Хальсер отбрасывает изумление и
атакует попавших в ловушку врагов,
вонзив цепной теч в
нагрудник первого и проревев боевой клич,
когда предатель исчезает в ливне крови и
разорванной брони.

Вслед за сержантом поднимаются
остальные воины, стреляя спокойныши,
точныши очередями
в движущуюся массу. Враг преодолевает их
свое к одному, но борьбы нет. Пока
Реликторы

разрывают их на части, десантники
Хаоса прикованы к земле огромными,
ожившими клубами

дыма. Когда они падают на плиты, дым
принимают форму каменных столбов —
точно таких

же, что покрывают поверхность планеты.
Несколько минут облака пульсируют
светом, в то время как Хальсер и
остальные Реликторы

выпускают непрерывные очереди в их
ревущих врагов. Затем, после того как
становится ясно, что ответной стрельбы
нет, Хальсер выдергивает ревущий цепной
меч из термового тела и
отходит назад. Он поднимает
окровавленное оружие над головой и
поворачивается к своим
людям.

Стрельба прекращается и Реликторы
опускают оружие, рассматривая
устроенную ими бойню.

Стены башни опалены и испещрены
дырами, а изувеченные останки

десантников Хаоса лежат
разбросанными по скользкой от крови
каменной кладке. Реликторы с
изумлением наблюдают, как столбы
утрачивают последние признаки вытипа и
превращаются в твердые, неподвижные
куски камня, покрыв убитых подобием
савана. Рогатые, стонущие шлемы
украшают башни,
как ониксовые штифты в огромном
драгоценном изделии.

Хальсер пересчитывает
костодесантников, собравшихся на стене.
Только семеро поднялось
вместе с ним. Не видно Комуса. Он
смотрит вниз во внутренний двор и видит
отличительный
синий госпех библиария, лежавшего
навзничь в крови. От него отходит
человек и быстро
исчезает в облака пыли.

В ушах сержанта стучит пульс, но
прежнему подгоняется жаждой крови, и он,
не думая

дважды, поднимает пистолет и стреляет
по удаляющейся фигуре. Только
спустившись по

ступеням, он видит, что упавший человек
не вооружен, а его тантия отмечена
имперской

символикой. Хальсер выругался и
перевернул человека носком ботинка. Тот
все еще жив, но

тяжело дышит и слабо сжимает рваную
рану в плече. Его тантия, изначально
белая, быстро

становится красной. Рана выглядит
тяжелой, но не смертельной, и Хальсер не
может решить

хорошо ли это или плохо. Грудь человека
украшена имперской аквилой, но в нем кое-
что

напахивает ересью: оба глаза удалены
хирургическим путем, вместо них две
линии неровных

швов, а ко лбу прикреплен кусок кристалла
в форме звезды.

Человек пытается заговорить, но его

слова заглушены кровью, идущей изо рта.

— Что ты сказал? — Хальсер опускается рядом с ним и поднимает его в сидячее положение.

Раненый выплевывает кровь на грудь и делает еще одну попытку.

— Не приближайтесь. Не приближайтесь к пророку, — произносит он булькающим звуком,

прежде чем его прерывает ужасный кашель, вызвавший новое кровотечение.

— Что? — спрашивает Хальсер, тревожно поглядывая на лежащее в паре метрах от него тело

Кому. — Какому пророку? О ком ты говоришь?

— Астрей, — шепчет том, вцепившись в плечи Хальсера. — Вы должны позволить ему закончить

испытания. Вы не должны разрушить его великую работу.

— Астрей? — Хальсер встряхивает головой.

— Что за великая работа?

Человек подтягивает себя поближе и

Хальсер испытывает пугающее чувство,
Будто смотрит

на него через кристаллическую звезду.
Когда незнакомец топает головой,
Убывающий свет
преломляется сквозь призму и показывает
серый, стороженный мозг под ней.

— Иллсс только начало. Он очистит всю
галактику. — Человек поворачивается к
каменным
столбам, которые окутали десантников
Хаоса. — Стихии теперь подчиняются ему.
Скоро,

Темные Силы научатся престыкаться.
Великий Враг будет ползать перед ним,
как дворняжка.

— Голос превращается в визг. — Но вы
должны покинуть Иллсс! Вы все
разрушите ...

Человек застывает и издаёт хриплый
звук, когда в его груди появляется
дымящаяся дыра. Из
носа брызжет кровь, и он оседает в руках
сержанта.

Хальсер бросает его и резко поворачивается.

— Терзкий идолопоклонник, — шипит Пилкрафт, опустив лазерный пистолет и убрав

оптические кабели обратно в капюшон.

Хальсер вскакивает и хватает аколита инквизитора Мортмейна за глотку, оторвав его от земли

и впечатав в разбитую стену.

— Не ты принимаешь здесь решения! — Его слова настолько громки, что вырываются из

шлема, как искаженный шутовой поток.

Пилкрафт воет смесью ужаса и негодования.

— Эта планета проклята! Ты не можешь сохранить жизнь преступникам!

Беспощадный гнев

Императора должен быть быстр как...

Его слова прерывает громкий хлопок, когда Хальсер швыряет Пилкрафта на землю и

прицеливается пистолетом в его

колеблющийся капюшон.

- Молчать! - ревет он, все его тело дрожит от гнева.

Пилкрафт смотрит на круг костодесантников, которые собрались вокруг него. Все они навели оружие на архимантиста. Он что-то бормочет под нос, но больше не возражает сержантту. Хальсер отпускает его и отворачивается, пахнув своим людям в сторону лежащего библиариа.

- Комисс, - обращается он, опустившиесь рядом с ним на колени. - В тебя попали? Библиарий качает головой и торщится при виде облаков, плавущих над их головами.

- Нет, я могу идти. - Он кивает на первого незнакомца. - Я начинаю понимать. Пилигримы никогда не покидали Иллесс. Они никогда не утирали. Они все еще здесь, после всех этих

столетий, но их поклонение сбылось с ними. - Он снова указывает на облака. -

Упомянутый им

пророк каким-то образом связан со всем этим. Именно он обрек Илисс. - Он сжигает голову

и стонет от боли и замешательства. -- Но он не последователь Губительных Сил.

- Тогда зачем они осквернили храм Бессмертного Императора! - Пилкрафт не может держать

язык за зубами. Какое имеет значение кого их лидер? Они худшие из ...

На кивок Хальсера один из Реликторов выходит вперед и зажигает рот Пилкрафту.

- Кто бы ни был этот пророк, ты недалеко от него, - продолжает Комус, сев и остановив

внутренний двор. - По воле случая или замыслу пророка ты наткнулся на одну из дорог в его

убежище. - Он стучит пальцем по маленькой книжке в кожаном переплете. -- Согласно

либеллусу если ты найдешь Скрипторий

Зевксиса, ты найдем пророка.

Хальсер поворачивается и смотрит на разрушенные стены башни. На визоре его шлема

вспыхивает багрянцем садящееся солнце.

— С наступлением темноты Мортмейн начнет орбитальную бомбардировку. У нас есть менее

четырех часов, чтобы найти скрипторий.

— Он понижает голос. — Брат Сильвий и остальные

должны обойтись без нас.

Комус качает головой, когда Хальсер помогает ему встать. — Но какова польза от обнаружения

скриптория, без единого указания с «Домитуса»?

Раздается шипение выпускаемого воздуха —

— Хальсер снимает шлем. Его грубые черты лица

такие же красные, как небо.

— Это наш последний шанс, Комус, разве ты не понимаешь? Мортмейн — наш единственный

друг, а врагов у нас легион. Мы должны их
всех убедить. Мы должны показать им,
что наша

готовность учиться - это не ересь, а
последняя надежда Империума. У нас есть
тужество исти

тица, куда не пойдут другие Ордена. Мы -
единственные, кто...

- Ты не должен мне все это объяснять, --
прерывает его библиарий с недоверчивым
видом. Он

отводит Хальсера в сторону от
остальных и говорит настойчивым
шепотом. - Но как ты

уберешься с планеты, прежде чем
Мортнейн начнет сбрасывать свои
бомбы? Если ты не

можешь лететь в облаках, как ты покинешь
планету живыми? У нас осталось четыре
часа.

Может быть, ты должны вернуться к
штурмовому кораблю и посмотреть
сможет ли помочь
техносвященникам?

Лицо Хальсера покрывает сеть
пурпурных вен, и он шипит сквозь
стиснутые зубы.

- Если ты вернешься с пустыми руками, то
в любом случае будем терты. Ты
помнишь приказ
капитана Асамона: найти оружие,
достаточно мощное, чтобы очистить
каждую планету в
системе. У нас будет надежда на
искупление, только если Инквизиция
увидит наш истинный
потенциал. Если ты вернешься сейчас,
Реликторы обречены. Все до единого. - Он
сжимает
руки, словно в молитве. - Но если ты
стожем продемонстрировать силу нашей
веры, показать
им, что ты можешь пользоваться даже
самыми могущественными артефактами,
им снова
придется признать нас верными слугами
Императора. -- Когда сержант
оглядывается на

разрушенную башню, в его голосе звучит
нотка одержимости. — Кроме того, какая
польза

будет в нашем возвращении к
штурмовому кораблю? — Он указывает на
облака пыли. — У нас
нет сигнала. Как ты полетишь? Я
сомневаюсь, что ты преодолеешь десять
километров, прежде
чем врежется в гору.

Комус прищуривается, испуганный
странным тоном сержанта, но не может
отказаться в логике

Хальсеру. Было чудом, что они смогли
приземлиться. А с тех пор погода еще
больше
испортилась.

Хальсер бьет по нагруднику.

— С нами еще не покончено, Комус. Я не
позволю это! — Он топает ногой, подняв
облако

пыли. — Скрипторий Зевксиса один из
самых известных реликвариев Иллеса.
Подумай,

сколько сокровищ там может быть. -
Реликтор кивает на окровавленные
плиты. - И ты
говоришь, что это место также
источник всего этого, - он указывает на
небо, - колдовства.
Почему ты должны возвращаться на
корабль не узнав, по крайней мере, кто
этом так
называемый пророк? Я не сомневаюсь, что
он - жулик, но кто знает, какие
артефакты он
хранит. Один, без всякой имперской
поддержки, он перехитрил Черный Легион.
Подумай, что
это может значить! Он окружил целую
планету облаками, которые обращают
людей в камень.
Как он смог добиться этого? Может
быть, используя запретный текст?
Возможно, обнаружив
реликвию со времен, когда Сам
Император бывал здесь?
- Я не понимаю. - Комус качает головой. -

Ты хочешь, чтобы ты отправились к человеку, который погубил целую планету?

- Почему нет? - Голос Хальсера превратился в резкий рык. - Ради Трона, Комус, разве ты не видишь? Возможно, ты обречены, но, по крайней мере, ты можем окончить свои дни,

покрытые славой. По крайней мере, ты можем положить конец монстру, изводящему эту

несчастную планету. И возможно... - На его лице появляется улыбка. - Возможно, ты

стожем найти нечто, что сделает это путешествие действительно стоящим.

Библиарий поворачивается к другим костодесантникам. Они терпеливо ждут приказов, как

обычно горды и благородные. Он вздыхает и качает головой. Они не заслужили умереть в

огненной буре Мортмейна, но он знает, что Хальсер прав: они в любом случае

обречены.

Инквизиция десятилетия работает на их уничтожением. Возможно, это будет более

подобающий конец: лучше стереть в битве от рук врагов Империума, чем отлучения и

бесчестье от рук темных интриганов. Он оглядывается на сержанта и толчит, не зная, что

сказать. Все варианты выглядят безнадежными. Затем он смотрит в глаза Хальсеру и видит, как неистово они горят. Если у них и есть надежда, решает он, то она здесь — в яности сержанта Хальсера.

Котус извлекает странную маленькую книжку и подсоединяет к ней другой кабель. Остальные

терпеливо ждут, пока он толчится. Даже Пилкрафт перестает возмущаться.

— Я вижу еще одну группу башен, — говорит библиарий хриплым голосом. — В двух километрах к югу от этой. Они

находятся на месте подземной храмовой
сети, в которой

когда-то размещались разные скриптории,
включая Зевксиса. Если стожет добраться
туда, тогда я думаю, ты найдет человека,
контролирующего Иллесс. Что ты тогда
будешь делать, я

не могу представить.

Хальсер хватает библиария обеими
руками. - Верь, Комус. - Он смотрит на
я и наблюдает за

вихрями, выющимися над безжизненной
местностью. - Обещаю тебе, ты снова
будешь

героями.

Глава 8

Инквизитор Мортейн пробирается через
куски раскаленного металла и тлеющей
плоти. На

месте камеры допросов теперь
почерневшие руины. Взрыв был таким
сильным, что стял

несколько стен, образовав странное
зрелище: балки, двери и свод лежали друг

на друге в

сюрреалистической груде расплавленного
металла и расколотого камня. Мортмейн
торщит

нос от отвращения: воздух насыщен
запахом обуглившейся плоти.

— О, Пальх, — шепчет он, опустившись на
колени, чтобы рассмотреть кучку пепла, —
Что ты
наворил?

Из темноты смотрит высокая фигура:
массивный гигант, облаченный в
блестящий голый
керамик. Когда он подходит, свет фонаря
Мортмейна освещает силовой доспех
гиганта,

обнаружив ряды замысловатых букв,
запечатленных на каждом доступном
месте. Его голос

грешит из шлема подобно звуку
вытягиваемого теча: «Он жив?»

Инквизитор поднимает из руин кусок
сломанной цепи и подносит к груди,
борюча толстую.

- Император сохрани нас, юстикар Ликт, он мог выжить. - Мортлейн смотрит на облаченного

в серебро костодесантника и качает головой. - Я был глупцом. Цербал должно быть видел, что это произойдет. Чтобы навигатор не использовал, оно разрушило береги и путь, которые

ты использовали, чтобы связать демона. Если он смог проникнуть в другое живое существо, то сейчас свободно ходит по «Домитусу». - Мортлейн поднялся и обратил полностью

лишившееся цвета лицо к костодесантнику, возбывающему над ним. - Цербал знает все.

Он знает, что Илесс на грани погружения в безумие целого сектора. Если он жив, то попытается остановить Экстерминатус.

Юстикар Ликт не выглядит впечатленным серьезностью в голосе Мортлейна. Блестящие перчатки спокойно сжимают рукоятки алебарды; если бы не слабый свет,

терциающий на лезвии оружия, Ликта можно было спутать со статуей.

- Что вы собираетесь делать, инквизитор? - спрашиваем он таким же звучным тоном.

Мортмейн обхватывает обеими руками свою бритую голову и шепчет очередное ругательство.

- У меня нет выбора. - Он смотрит через деформированное стекловое окно на похожую на призрак планету. - Я не могу больше ждать. Страшные секреты барона ван Тола подождут.

Сейчас я должен уничтожить Иллус. - Инквизитор оглядывается на костодесантника и недоверчиво качает головой. - Быть все проклято. Если Цербал жив, возможно, я уже опоздал.

Он разорвет «Домитус» на части. - Мортмейн смотрит на руины коридора за спиной юстикара

Ликта. Свет фонаря показывает другие блестящие, застывшие фигуры. - Вы должны со своим

отделением сделать все возможное.

Мортмейн кладет руку на обложку металлической

книги, висящей на кирасе костодесантника. - Я помолюсь за вас.

- Если он жив, ты устиришь его, инквизитор Мортмейн. - Ликт кивает и обхватывает руку

инквизитора своей массивной серебристой перчаткой.

Мортмейн качает головой и убирает руку.

- Нет, вы не сможете, юстикар. Не его. Даже вы не сможете уничтожить ужас, подобный

Цербалу.

- Тогда о чём вы просите? - В ответе костодесантника звучит намек на эмоцию: неверие или

же уязвленная гордость.

Мортмейн поднимает глаза.

- Если Цербал на свободе, ты уже теряешь.
Но Иллесс все еще должен быть уничтожен.

Слишком многое на кону. - Он снова смотрит на планету. - Вы должны выиграть для меня

столько времени, сколько сможете.

Найдите Цербала и набросьтесь на него со всей яростью, на которую способны. Вы не сможете победить подобное существо, но все равно должны

попытаться. Если у вас получится сдерживать его достаточно долго, я смогу начать

бомбардировку Иллеса.

- А что с сержантом Хальсером?

Мортмейн опустил голову. - Я помолюсь за него тоже.

Глава 9

Барон Корнелий ван Тол неуклюже подходит к двери своей комнаты, спотыкаясь от страха.

Когда он зовет стражу, его голос полностью лишен сухого ироничного тона.

- Чем-то приближается, - кричит он,

когда к нему спешат солдаты в фуражках
и эполетах. —

Инквизитор направил какое-то... — Он
замолкает и, кажется, не уверен в том,
что говорит.

Барон качает головой. — Нет, не
Мортмейн, это кто-то другой. Кто-то
хуже. Клянусь!

Когда Van Tol выходит, тревожно
вспоминаясь в темноту, вдоль коридора
тянутся ряды

блестящих лацканов.

— На корабле кто-то есть, — тихо произнес
он, вытянув позолоченный пистолет и
направив его
на колеблющиеся тени. — На «Домитус»
проникли.

Появляется капитан, в спешке застегивая
воротник кителя и кланяясь барону. —
Милорд, что
случилось?

Van Tol оглядывается на него, его глаза
безумны от страха.

— Тайер. Ты не слышал взрывов?

Аристократичные черты офицера идентичны чертам барона, и когда он видит страх ван Тола, его кожа бледнеет до такого же оттенка серости. Капитан ни разу прежде не видел проявления этой эмоции у барона.

- Я слышал шум, но посчитал, что это авария двигателя. «Домитус» стар, как звезды.

Возможно, это было просто...

- Налых терм! - шепчет барон, схватив офицера за плечо. - Я чувствую его отсутствие.

- Терм? - У Тайера открывается ром. -- Как? Это инквизитор?

Барон качает головой и оглядывается на темный коридор. Приборы ночного видения на

оружии его людей посыпают терцающие красные лучи по сводчатой кладке, создавая беспокоящее ощущение движения.

- Нет. Это не работа Мортмейна. Зачем ему нападать на собственный флагман? -

Он понижает
голос и притягивает к себе племянника.
Я вижу что-то. - Барон стучит по
передней части
фуражки. - Словно империум пришел
следом за нами и проник внутрь. - Бан
Тол
недоверчиво трясет головой и опускает
глаза. - Налых терпев.
- Барн проник на корабль? - Капитан
Тайер хмурится. - Что вы имеете в виду?
Как это могло
случиться? Мы в реальном космосе.
Барон неопределенно кивает и начинает
отвечать, но его слова заглушает вспышка
лазерного огня.
Два офицера поворачиваются и видят,
что коридор взорвался потрескивающей
энергией. Это
солдаты бешено стреляют в темноту.
Оба подняли пистолеты, и припали к
земле рядом с другими солдатами.
- В чем дело? - спрашивает барон
человека рядом, стараясь перекричать

шум. - Что ты видел?

Явно испуганный солдат качает головой.

Я ничего не видел, - признается он, - но другие...

- Не стрелять! - кричит барон, поняв, что его люди разбегаются в темноте, охваченные паникой.

Выстрелы продолжаются еще несколько секунд, пока барону не удается их перекричать. Затем один за другим солдаты опускают оружие и смотрят на него.

- Милорд, - кричит человек в первом ряду. - Там кто-то есть. Я не смог хорошо разглядеть, но оно двигалось быстро.

- А что если это один из наших собственных часовых? - спрашиваем барон, поднявшись и всматриваясь в темноту.

Рот солдата захлопнулся без слов, когда он не смог придумать подходящий ответ.

- Может быть, тебе следует пойти и посмотреть на то, что ты испепелил? -

Голос барона был
резок от горя. — Если ты так уверен, что
видел кого-то.

Глаза солдата расширились от страха.
Затем он восстановил подобие
самоконтроля и
поднялся на ноги. Поправив фуражку и
решительно отдав честь, боец отделяется
от

остальных. Он держит лазган,
наведенный на густые тени и медленно
идет вперед. Остальные
наблюдают в тревожной тишине, как
солдат приближается к покрытой траком
развилке
коридора.

— Я мог ошибаться, — говорит солдат,
останавивая коридоры. Он водит символом
ружиya,
высматривая в тенях движение, но ничего
не видит. Облегчение на его лице заметно
даже в
полутраке. Затем солдат прищуривается,
когда замечает более темную тень,

скользнувшую по

полу к нему. Он что-то бормочет, но слишком тихо для остальных.

- Что это было? - окликает капитан Тайер, присев рядом со своим дядей, чтобы лучше

приглядеться.

- Ничего, - отвечает солдат, повысив голос. - Думаю это просто крыса.

- Крыса? - Тайер недоверчиво смотрит на своего дядю.

- Это не крыса, - шипит барон, устремив на капитана Тайера дикий взгляд. - Там кто-то есть.

- Калеб? - кричит один из солдат. - В чём дело?

Барон и капитан оглядываются на коридор и видят, что солдат ведёт себя странно. Его тело

охватывает какой-то спазм.

- Крыса! - выкрикивает он странным голосом. Слова звучат так, словно отражаются в

огромной пещере и когда он снова кричит,

звук растягивается в долгий,

повторяющийся рев.

- Калеб? - зовет другой голос, но припадок солдата резко усиливается. Его голова томается из

стороны в сторону, брызжа слюной и проклятиями, а ноги подгибаются под ним.

Несколько солдат начали двигаться к нему, но барон останавливает их резким приказом: -

Стоять! Оставайтесь на месте, чтоб вас!

Желание солдат помочь упавшему товарищу быстро проходит. Пока они в ужасе смотрят, его

тело начинает раздуваться, как полотно на ветру.

- Я так и знал, - тихо произнес барон, когда руки и ноги солдата начинают удлиняться, образуя раскачивающееся паучье безумие конечностей, которое течение по каменному полу и наполняет воздух ужасающим, влажным звуком.

- Убейте его, - шепчет он, но его никто не

слышим.

Извивающаяся масса выбаливается из теней, и солдаты в ужасе отшатываются.
Сварь, бывшая

Калебом, теперь стала пятиметровым роем держающихся конечностей, окружившим желтый яйцеобразный мешок, который колышется отвратительными подкожными формами.

— Убейте его, — повторяет барон. Теперь он кричит и прежде чем его люди ответили, начинает стрелять из лазерного пистолета во кошмарное создание.

Стрельба во второй раз вспыхивает в темноте, когда солдаты дают безнадежный залп лазерного огня в приближающегося колосса. Свет ослепляет. Невозможно увидеть что-нибудь, отчетливо, поэтому солдаты стреляют вслепую и воняют, когда осознают весь ужас увиденного.

Обстрел продолжается несколько минут, наконец, барон не дает команду «отбой».

Когда эхо и дым уходят, солдаты встали, вытираются вдаль и видят, что дальний конец коридора блокирует громадная фигура.

Кто-то кричит.

Чудовище поглотило каждый выстрел, как желанный питательный деликатес.

Невыразимый мешок, который сойдет за голову, теперь пульсирует внутренним огнем, а

научьи конечности увеличились в размере втрое, полностью заполнив коридор.

Несколько солдат снова начинают стрелять. Некоторые упали на колени и сжимают головы, лишившись разума. Остальные разворачиваются и бегут, бросая оружие и спеша тело барона

в темноту.

— Дядя, — с трудом выговаривает капитан Тайер, схватив барона за руку. — Бегите. — К своему

ужасу он понимает, что лицо дяди стало

вялым, а взгляд остыкленел, прикованный к колеблющейся массе, которая промискивается через коридор. Он снова пытается подняться

барона за убегающими людьми, но ван Тол недвигается. Тайер отводит глаза от приближающейся твари, увереный, что его разум не выдержит даже тимолетного взгляда на

нее, но чувствует, что она повернулась к его ядру, словно выделив его из толпы перепуганных

солдат. — Даля, — повторяет он дрожащим всплеском, едва похожим на речь. Наконец, увидев

край глаза ползущий к ним лес ног, он отпускает руку барона и удирает следом за

остальными.

Барон не замечает бегства племянника. Он не замечает пробегающие тимофигуры. Он даже

не воспринимает самого себя. Все, что он видит — это огромную, бледную,

невыразимительную

голову, вырастающую из темноты и
сокрепоточенную на нем.

Тварь перемещает последние несколько
метров свою неуклюжую, пульсирующую
массу к

барону, затем протягивает несколько
тройных членистых конечностей. Она
заключает барона

в нежные объятия и осторожно поднимает
с земли к вибрирующей, раздутой голове.

Секунду

держит его всего в нескольких
сантиметрах от терзающей кожи, затем
проталкивает человека

с тихим всплеском сквозь мембрану и он
исчезает из виду.

Барон тонет в желто-оранжевом тумане.
Жидкость наполняет уши и заливает
горло, но,

несятвляя на абсурдный ужас своего
положения, он Тол чувствует, как части
его разума

отстунают, невозмутимо отдавив себя от

смертельной агонии. Этому осколок
сознания даже не
удивлен, когда слышит голос в желтой
жидкости.

— Барон ван Тол, — говорит голос вполне
разумным тоном.

Барон испытывает необъяснимый прилив
гордости от того, что убийца знает его
имя.

— Что находится внизу, барон, на Иллесе?

Легкие барона уже наполнились
жидкостью твари, и у него нет
возможности произнести
ответ, но когда жизнь покидает его, он
отвечает своим разумом, радуясь
возможности
ответить богочестивому существу,
которое переваривает его.

Он уверен, что его ответ станет
неожиданностью.

• • •